

Ф. Илин

В МОРЕ - ДОМА!
славный мичман
ЕГОРКИН

Ф. Илин
В море – дома! Славный
мичман Егоркин
Серия «Морские истории и байки»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11959628

*Ф. Илин. В море – дома! Славный мичман Егоркин: Горизонт; Москва;
2015*

ISBN 978-5-9907045-9-6

Аннотация

Книга вторая – «Славный мичман Егоркин. В море – дома!» В коротких повестях рассказывается об обычных служебных буднях моряков – простых корабельных матросов, мичманов и офицеров, какие они есть. Они выполняют, как говорят на службе, учебно-боевые задачи, в любых условиях, ибо иначе – никак. Пусть эти самые условия будут какими угодно трудными, и даже – пусть иногда, но не так уж и редко – опасными. Про то, что их служба героическая они узнают из гостей, иной раз – из некрологов своих друзей-товарищей. Они просто делают свое дело – как положено настоящим мужчинам и профессиональным морякам. Они с честью выходят из самых сложных условий и спасают других – уж так получается, просто исполняя свой долг в океане. Ибо «Нет уз святее товарищества», «Нет цели выше служения Отечеству»

Содержание

Просто поход	4
Глава 1. О том, как и что моряк предполагает, и кто им располагает	4
Глава 2. На мягких лапах вслед за «Машкой»	20
Глава 3. По горячему следу в холодном море	27
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Ф. Илин

В море – дома! Славный мичман Егоркин

Просто поход

«Поход – переход корабля, группы кораблей из точки базирования на значительное расстояние для Достижения определенных целей».

Военно-морской словарь.

Москва, Военное издательство, 1990 год.

Глава 1. О том, как и что моряк предполагает, и кто им располагает

Мудрость флотской службы запредельна,

Не любой понятна голове:

Цель ее – семь пятниц на неделе,

Но на этой, для разминки – две.

В. Жарский «Про сто».

Солнце неспешно катилось по чистенькому, словно после

приборки, небосводу, лениво разглядывая изумрудно-лесистые сопки, голубовато-зеленые воды самого длинного в мире залива, и корабли, окрашенные в родной шаровый цвет. Так моряки называют всевозможные оттенки (а боцмана еще говорят – «колеры») краски серого цвета.

«У моряков все не так, как у людей! Вот скажешь – серый цвет – как-то уныло выглядит то, что сразу представляется. И небо – свинцово-серое, и море серо-штормовое...

Тоскливо! А вот только скажи – шаровый – и как-то те же самые оттенки становятся просто суровыми и мужественными, даже – где-то романтичными. Как вам на вкус: шаровые борта сторожевика – цвета штормового моря?

Или вот еще: «окрашенный в шаровый цвет сторожевик слился на горизонте с грозовым небом...»? Так это же – совсем другое дело!» – размышлял Андрей Крутовский, сняв фуражку и подставив лицо легкому ветру, радуясь теплу и свободному времени. В детстве он окончил художественную школу, хорошо рисовал и обладал очень приличным вкусом и живым воображением. Вот отсюда и эстетические изыски! Они вроде бы не свойственны приличному офицеру. Но это уж как сказать!

Лето неумолимо приближалось к своей середине. Был в самом разгаре ясный полярный день и светило трудилось денно и ночью – и за себя, и за Луну. Но и оно уходило со своей вахты, нередко прячась за разбухающие дождями тучи. Океан-то – рядом, отсюда и капризный, плачущий кли-

мат.

И вот тогда – да, серость, да, противная морось и... хандра. Если есть на неё время, конечно! А откуда бы ему взяться летом у корабельного офицера, не осчастливленного отпуском? И вот, всегда приходится быть в тонусе – вольно или невольно, но... тем не менее!

Сторожевой корабль «Бесшабашный» (по внутрибригадному прозвищу – «Безбашенный»), участвовал в крупных учениях. Ему недавно хорошо досталось – угодив под циклон, в самый-самый шторм пришлось выходить в далекий заданный район, стрелять из всех многочисленных видов своего оружия, выполняя все мыслимые и немыслимые боевые упражнения.

Потрепанный многолетней службой красавец-сторожевик вот уже который день находился в отрыве от родной базы. Дело привычное, и не такое бывало, подумаешь, жаловаться не приходилось, но домой все-таки хотелось! «Устали корабли, устали мы...» – так, кажется, пелось в одной старой песне из арсенала морских пограничников.

А тут еще неожиданный приказ войти в залив и встать к причалу в столице флота. Это вполне могло означать, что возвращение откладывается, могло означать внеочередную проверку «вышележащим» штабом, могло...

«Да черт его знает, что еще могло означать?» – вдруг озлился капитан-лейтенант Крутовский, мысленно рассуждая.

«Что очевидно – так ничего особенно хорошего! Пути флотского начальства – неисповедимы. «Человек предполагает, а Бог – располагает!» – гласила мудрая пословица. А вот для флотского служилого люда – между Богом и самим офицером – целая библиотечная этажерка разных командиров, штабов и начальников, причем, каждый из которых стремится им непременно располагать!» – примерно так, несколько раздраженно, думал Андрей, расхаживая по баку корабля. Он пытался размышлять на отвлеченные темы, но даже любимая им, индифферентная к повседневной текучке, мудрая восточная философия упорно сворачивала на служебную тропу.

Стоя у причала, корабль ощутимо раскачивался на приливной волне, вспоминая былой шторм. Устало, по-стариковски, постанывая натруженными шпангоутами и поскрипывая надраенными швартовыми концами, почесываясь потрепанными кранцами о причал, он блаженно потягивался на стальных, обильно смазанных тавотом, тросах, пользуясь неожиданным отдыхом.

Остро пахло морем, йодом, соляром и всем тем, чем еще положено пахнуть боевому кораблю, честно отпахавшему «горбатое» море. Под шпигатами образовались рыжеватые подтёки недавно отбушевавшей морской волны. Но палуба давно перестала уходить из-под ног, а волны глубокого залива лишь любопытно тычутся в борта, как ласковые животные – хорошо!

Матросы верхних команд смывали с палубы, оружия и надстроек еще не высохшую морскую соль, не забывая, «исподтишка», шутливо поливать друг друга, радуясь неожиданной передышке, солнцу, теплу и тишине. Мичмана их поторапливали – вот засохнет соль, встанет белым налетом – тогда не ототрешь, намучаешься!

Андрей вдруг заметил, что от левого борта отвалил «наливник», залив «Беспощадному» все топливные цистерны по самые горловины. Матросы БЧ-5 смывали и убирали долой с запачканной палубы свои «анаконды», толстые жирные шланги, еще сочащиеся соляжкой...

Он огляделся: – «Ба! Погляди-ка!» – изумился он. Команда снабжения и расходное подразделение таскали с грузовика на причале ящики и коробки с продовольствием в изрядно исхудавшие корабельные «закрома» – провизионки. Тут же вестовые и «камбузники» разгружали большую гражданскую хлебовозку.

По всему причалу вкусно пахло горячим хлебом. Даже голодная слюна появилась во рту у Крутовского!

«И чего это тыл так расщедрился?» – подумал с тревогой Андрей. «Сами все на причал все привезли! В лесу, определенно, волки издохли!» – с нарастающим подозрением думал минер – «Тыл – это не лицо флота, это его наоборот!» – как учит наш мудрый комбриг». По выработанной службой привычке к анализу, он «сложил два и два». В груди опять шевельнулось нехорошее предчувствие... Два вывода

тут сделать трудно!

«Ну, а вдруг, а все же, у оперативного тыла или у командира бербазы, может быть, совесть проснулась? – безнадежно попытался он отогнать от себя свои собственные мрачные прогнозы. «Да ну, на фиг, так не бывает!» – он устыдился нелепости своего предположения о наличии совести у тружеников тыла.

Однако, за ужином, старпом капитан 3 ранга Георгий Меркурьев объявил офицерам, что, по данным известной ему нанайской разведки, сегодня же в ночь двинемся к «родным пенатам». Это вызвало веселое оживление в кают-компании. Штурман и его командир группы сразу после ужина поднялись к себе – для предварительной прокладки. Зная золотой характер отца-командира, штурман предпочитал быть готовым к любым неожиданностям, не дожидаясь особых указаний и связанных с этим издевательских комментариев...

Хоть «приготовление» еще не было объявлено, но и командиры других боевых частей, вместе со своими офицерами, тоже разошлись по своим заведованиям. Пример штурманов вдохновил. Действительно, а мало ли, что?

Командир боевой части 3 «Бесшабашного», капитан-лейтенант Андрей Крутовский в просторечье – минер, прогуливался по верхней палубе, собираясь осмотреть свою горячо любимую матчасть и «глянуть в глаза» своему разношерстному, но не менее любимому, «эльдробусу». Он с тоской бы-

валого моряка, замшелого и поросшего ракушками в соответствующих местах, смотрел в сторону многоэтажных домов, и оценивал гражданское население. Точнее – его прекрасную половину.

Понятное дело, даже его голодный на женщин «снайперский» глаз, ничего кроме пестрых силуэтов с этакой дистанции не разглядел. Но тогда скажите, воображение-то нам, вообще, на что?

«Эх, в «Океан» бы вечером, или в «Чайку» какую...» – замечтался он и потянулся, поочередно напрягая мышцы, как застоявшийся молодой кот.

«Однако, даже если и останемся тут до утра, отец-командир чем-то озаботит до глубокой ночи, а потом уже и идти смысла не будет... Это уж – наверняка, это уж – как утреннее «здрасьте»! Да и щедроты тыла – не к добру!» – припомнил он, сам себе разрушая мечты, и «духовно приземляясь». Крутовский завершил цепь рассуждений, и довольно улыбнулся своей догадливости и предвидению бывалого служаки.

Он услышал на верхней палубе трубный глас одного из своих старшин команд. Мичман Егоркин, стоя возле закопченной и остро пахнувшей порохом недавних стрельб, РБУ, и громко распекал своих подчиненных. У его ног восседал корабельный пёс Мишка, могучий черный ньюфаундленд, мамаша которого явно подгуляла с каким-то «бродячим рыцарем». Года полтора назад какая-то сволочь безжалостно выгнала из дома «дефектного» щенка, а замкомбрига Громя-

ковский подобрал и привез его на бригаду. Мохнатый добродушный пёсик, похожий на медвежонка, прижился. Он старательно нес «сторожевую вахту» вместе с вахтенным у трапа, играл с матросами, которые скучали по дому и по своим домашним питомцам.

Мишка быстро стал любимцем экипажа «Бесшабашного». Потом, со временем, он рос, рос да и превратился в здорового, сильного пса с добрым, общительным характером, преданно любившего своих многочисленных хозяев и искренне считавший «Бесшабашный» своим домом. И вот этот дом, по древней собачьей традиции, он обязан был охранять и защищать – так он полагал и к этому стремился. Воспитанный пёс никогда не гадил на палубе, уважал командира, подхалимничал к старпому и... умело прятался от всех проверяющих. Чем наглядно доказал свой интеллект!

Крутовский незаметно приблизился к Егоркину из-за спины.

– И ты называешь себя годком!? – обращаясь к командиру отделения Яшкину, делано удивлялся тот. – Да после этого ты – годок моим ботинкам! Не больше! А кто тебя учил крепить железо проволочкой? Тем более – движущие детали? Только скажи, что – я!!!

«Что я, – псих?» – подумал Яшкин.

– Мозги-то есть? – продолжал Палыч: – Ага, значит, есть, но не пользуешься? Для института бережешь? Так можешь и не дожить до него при таком раскладе! Ты давно аварий не

видел? Ах, вообще с ними не сталкивался? Ну, вот ведь везет же людям! Почему? Например, потому, что первым сегодня я свой нос сюда сунул!

Вот тут лучше надо было бы промолчать, ответ мичману не требовался. Старшина давно это усвоил на своей дубленой шкуре, и только вздыхал, как школьник на свидании.

– Ты бы еще изолентой мне подъемник элеватора подмотал! – продолжал возмущаться Александр Павлович.

– Или клею канцелярским подклеил! – съехидничал стоявший рядом «боцманенок», земляк и приятель старшины Яшкина.

«Вот это он зря!» – подумал минер. И точно – Егоркин развернулся и вклеил ему полновесный бортовой залп.

– А вот некоторым карасям так и вообще надо бы помолчать! Без сопливых скользко! Где, я тебя спрашиваю, марки на концах? Тебя, тебя! Вот тут Яшкин уже ни при чем! Так, когда я говорю «концы», я имею в виду нечто совершенно определенное, а на то, о чем тут ухмыляетесь, марка не требуется! А вот это, по-твоему – марочка? – мичманский перст ткнул в сторону кнехта, где поверх концов сиротливо висела какая-то облезлая «веревочка» типа «мышиный хвостик». Мишка авторитетно гавкнул, подтверждая.

– Твоего одобрения и участия мне тоже не требуется! – отчитал собаку мичман. Пёс сделал вид, что этот выговор его не касается и двинул по своим делам – на юте кого из «чужаков» облаять, например, или подкараулить кока, вы-

лезшего покурить и передохнуть. Не безнадежное, с его точки зрения, занятие! Иногда бойцы возьмут да и премируют «собачку» мясистой косточкой за бдительность...

– Я тебе знаешь, куда сейчас эту марку наложу? Да, туда, куда не требуется! А почему, на минуточку, у вас мати-ки растрёпаны у входа в тамбур? Морская культура, блин! И кто утром береговой битенг кнехтом назвал? Что – нет? Сам слышал, да занят был, чтобы тебя прилюдно моськой наты-кать в это самое... И это – моряк-надводник по второму го-ду службы?! Как свинарь с бербазы подплава, тьфу, аж про-тивно! – Палыч выдал убийственную характеристику. Брат-ва дружно хохотнула – теперь приклеится, как марка на кон-верт.

– Уйди с глаз моих, о позор своего отца и унижение глав-ного боцмана! – презрительно махнул рукой мичман и про-должал: – Вот вернется ваш начальник Васильков, я про ва-ши художества расскажу ему в красках! Такую палитру рас-пишу! Что? Не пол-литру, а палитру! А насчет пол-литры – не ваше дело! Эх, нет на вас у старпома времени! Сироты вы брошенные, без своего-то боцмана, и некому вас умате-рить... тьфу, усыновить!

Тут Егоркин перевел было дух для нового галса, но «боц-манёнок» Переченко прямо-таки растаял в воздухе. Дальше пошли бы комплименты еще хуже! Да еще при полном ан-шлаге зрителей... ну уж нет!

Александра Павловича, вообще-то, предпочитали не

злить. Как-то раз он заметил, что один из хулиганистых старослужащих грубо толкнул его минера из молодого пополнения. Не долго думая, и ни слова не говоря, он схватил того «орла» за плечи, легко приподнял над палубой и... подвесил за воротник робы на крючок вешалки около столовой. На «робе» была специальная, простеганная петелька – может быть, именно для этого?! «Бандерлог» долго изображал перевернутую черепаху. Ровно до тех пор, пока его насмеявшиеся вдоволь друзья не сняли!

Замполит бы такого приема в духе Макаренко явно не одобрил! Но зачем всякой мелочью расстраивать человека? Иногда неведение есть добро! – решил Палыч и... ничего никому не сказал. Но все равно, все и так узнали! Конечно, а кто сомневался?

Это произвело должное впечатление, и с тех пор на молодых минеров и торпедистов местные «годки» лишь ругались. Да и то – издалека и с оглядкой. Должную выволочку тут же получили и командиры отделений – за то, что не защитили своих подчиненных. «Лычки» носишь? Вот и отрабатывай, а не то...

На него не обижались и не жаловались – доставалось лишь тем, кто «честно заработал». Да и то – в самых крайних случаях. Чтобы, значит, знали – раз получил «разгон» – то сотворил нечто такое, что уж вообще в никакие ворота не лезет! Воспитательный эффект другой, понимаешь, чем за всякий пустяк – да прямой наводкой из главного калибра! Че-

ловек ко всему привыкает – даже к прямой наводке...

Командир боевой части удовлетворенно хмыкнул.

Нечего всякой «палубной шелупени» вмешиваться в воспитание его подчиненных – даже корабельным офицерам им самим этого не позволялось, о чем он сразу ясно дал понять. На то есть свои начальники! Скажи мне – сам разберусь, и если что – так мало и без вас не покажется!

Между делом, Палыч разъяснил ошибки, проинструктировал, как надо делать и по-морскому, и по уму, благословил на трудовые подвиги.

– Все должно быть на совесть! Поломки и аварии – почти всегда, от раздолбайства, а раздолбайство же – всегда от лени. Лени – это штука многогранная, на гражданке – с рук сходит, бывает! А вот на корабле – кого углом, кого гранью – в случае чего, всем хватит! – напутствовал он минеров, весело потащивших свои железки в корабельную «мастерку».

Крутовский обратился к мичману: – У вас какие планы на вечер, Александр Павлович? Наверное, по приходу в базу, вам с комбатом придется остаться на корабле. Матчасть осмотреть, все в исходное привести, то да сё... И, главное, – людей помыть и привести в божеский вид, проследить смену белья – знаю я эти службы снабжения! А завтра с вашим отдыхом разберемся!

– А, что, в базу потопаем?

– Да, где-то к «нолям», уже в Противосолнечной будем!

– Эх, Андрей Алексеевич, Андрей Алексеевич! Вы се-

рзезный, и, даже, надо сказать без подхалимажа, бывалый офицер, хороший моряк! Это точно!

– Спасибо! – хмыкнул Крутовский, догадываясь, что это – подслащенная пилюля и сейчас последует какое-то поучение, внешне не задевающее субординацию. Впрочем, особенно «снобизма» в общении с подчиненными Андрей за собой не замечал.

– Вот нельзя никогда говорить на флоте, да еще – на корабле – «придем», «будем в двадцать ноль-ноль», сделаем то-то и то-то. Как только это скажешь, тут сразу, откуда ни возьмись, возникнут проблемы и препятствия, а, также, всякие подвиги и приключения, в которых придется принять самое активное участие. А про вмешательство природной стихии – так я вообще – молчу, не буди лиха, пока оно тихо, как люди говорят! – Егоркин хитровато поглядывал на командира боевой части и поучал:

– Надо сказать так – «собираемся идти», «возможно», «предполагаем быть», «Бог даст – пойдём», «Бог позволит – сделаем» – поучал ветеран, и, сделав паузу – для усвоения материала, продолжал: – Дело наше морское. Море, всем известно, – дикая стихия, а начальство – так оно у нас еще более дикое! Куда там морю! Что ты! Вы еще не всех видали... Честно сказать, хрен его знает, где и когда мы будем! А вот – если будем, если вернемся домой, то у нас всегда достанет времени разобраться во всем, том числе – как, кому и даже с кем спать. В смысле – отдыхать – поправился Александр

Павлович. Затем, тоном учителя, завершил наставление: – К общему удовольствию всех заинтересованных лиц. Слава Богу, и корабль у нас хороший, и боевая часть – лучшая, чтобы там «механические силы» о себе не думали!

Тут надо пояснить, что недавно БЧ-5 «Бесшабашного» была объявлена лучшей не только на корабле, но и в бригаде. Егоркин был задет за живое, всегда помнил об этом и при всяком удобном случае подчеркивал свое недовольство «несправедливым решением» комбрига, на основе якобы личных симпатий командования к командиру БЧ-5 Балаеву. Бывает!

– Да бросьте вы, Александр Павлович! Суеверие все это! – беспечно махнул рукой Крутовский.

– А суеверием наши недалекие попы объявляют все то, что толком объяснить сами не могут, а признать не хотят! – стоял на своем Егоркин, закусивший удила в своей правоте.

«Понеслось!» – ухмыльнулся Андрей, развернулся и резво потопал в свою каюту – готовиться, искать в ней все, что положено вахтенному офицеру, согласно Корабельному уставу. У «кэпа» настроение сейчас самое боевое, проходить мимо него лучше всего под палубным линолеумом.

Иначе – зацепит и «раскритикует», не важно за что – лишь бы человек хороший попался! А если такой возможности избежать встречи с отцом-командиром нет – как у вахтенного офицера, например? Значит, надо точно соответствовать всем уставам и директивам, вплоть до полного безобразия,

как любит говорить старпом! По крайней мере, стремиться к идеалу. Который недостижим, как морской горизонт! — хмыкнул командир боевой части.

И вот раздалась звонки колоколов громкого боя, а старпом Георгий Михайлович с ходового поста хриплым голосом объявил приготовление корабля к бою и походу. Из динамиков неслись его вдохновенные ругательства в адрес сигнальщиков, напутавших что-то с флагами. Вроде бы все — как всегда.

Однако, оказалось, что все вышло так, как и предсказывал мудрый Егоркин: удачу от себя все же отпугнули. Корабль, осуществлявший слежение за «Марьяттой» в дальних полигонах, где атомоходы отрабатывали свои задачи, «заломался», ну, совсем некстати, да и запросился в базу, и теперь тащится сюда «на одной ноге».

«Интересно, а бывают случаи, когда что-то ломается кста-ти? Впрочем, для кого как — все относительно...» — подумал Крутовский, ругая всемогущий Случай, выбросивший, на этот раз, «Бесшабашному» «монетку не той стороной». — «Надо было придать большее значение «щедротам тыла»! — запоздало пожалел минер — «Сказал бы на ужине о своих догадках — так мужики сейчас сразу бы «великим шаманом» меня объявили! Эх!».

Козе и даже ежику в тумане понятно, что этой самой «даме» никто никогда не позволит самой по себе гулять по нашим полигонам! И кому стать ее «кавалером»? Естественно,

исправному и укомплектованному кораблю – из чужой базы, что тоже очень важно! Тем более – сам стоит и причала и никого не трогает! Кто-то вложил эту мысль в уши оперативникам. Те – начальнику штаба флота. Дальше – дело техники!

И вот уже получено безапелляционное боевое распоряжение: – «Бесшабашному» выйти на слежение. Комдив, у которого тоже были совершенно другие планы, только руками развел и минут пять рассказывал во флагманской каюте самому себе и телефону, назойливо издающему короткие гудки «отбоя», самые страшные вещи про чью-то маму и весь ее семейный альбом. Да еще, с извращением, вспоминая, где и как он видал такие планы и решения, и тех, кто их выдает...

Об этом поведал командир корабля, вернувшийся с инструктажа и наскоро собравший в кают-компании своих офицеров. Докладывал он все это в ярких красках, просто картину рисовал, пересыпая свою речь цветистыми комментариями и беспощадно-убийственными характеристиками. «Папа» выпускал пар, всё и всем понятно! У него, как видно, личные планы тоже накрылись... медным тазом.

Глава 2. На мягких лапах вслед за «Машкой»

*Когда воротимся мы в Портленд,
Мы будем кротки как овечки!*

Б. Ш. Окуджава

*И нет отсюда пути назад
Как нет следа за кормой —
сам черт не может тебе сказать,
когда придем мы домой*

Александр Городницкий. *«Покрепче парень вяжи
узлы...»*

– Так, хреновы твои нанайцы, опять подвели! – укоризненно поцокав языком, подвел итог капитан-лейтенант Журков, командир ракетно-артиллерийской боевой части, обращаясь к старпому. Тот был уже одет в водолазный свитер и полинявшую «канадку», демонстрируя полную готовность к выходу в море.

– Георгий Михайлович, а почему эта самая твоя нанайская разведка, как какая гадость – так угадает на все сто, прямо в десятку! А вот если чего хорошего когда предскажет – так почти всегда мимо? – донимал его ехидный артиллерист.

Меркурьев, втайне гордившийся своими связями с «вышележащими» штабами и даже – с некоторыми перспективными политиками, иногда добывал кое-какие конфиденциальные сведения-слухи. В нужный момент, он, как бы невзначай, делился ими с офицерами. По его собственному тайному мнению, это придавало ему особый вес в глазах подчиненных. Сейчас он что-то невнятно буркнул в ответ и тут же сам привязался к ухмыляющемуся Жукову по поводу орудийных башен, оклетневке скоб на них и угла подъема стволов.

Все офицеры понимающе, втихую, оборжали бедного старпома за его спиной. Тот сделал вид, что ничего не заметил. «Да, не срослось!» – фыркнул и сам Крутовский, оценивая комичность старпомовской ситуации.

Командир корабля капитан 2 ранга Дмитрий Караев поддержал своего ближайшего заместителя: – Мужики, а вы про теорию подлости что-то слышали? Закон распределения вероятности? Ну, что-то вроде того, мол, вероятность ожидаемого результата всегда меньше 50 процентов? По-нашему звучит так: как что-то посчитаешь почти достигнутым, как только протянешь руки и уже почувешь запах и даже вкус – так сразу тебе по рукам, а то и прямо, не мелочась, по голове и врежут! Это перевод на практический русский. Знаете? И чего тогда к старпому привязались? Все – строго по математической науке! Что, забыли, как в училище «букварь» сдавали на младших курсах? А сейчас – все по местам! А то

сразу перейду на родной, чисто командирский язык! Вторая часть марлезонского балета уже началась!

Спускаясь вниз, Андрей столкнулся с Палычем. Егоркин был уже в ядовито-рыжем, ярком, как пожарная машина в сугробе, спасательном жилете. Это означало, что баковая швартовая команда готова к работе.

«Уж если сам Егоркин влез в жилет, и прицепил страховочный пояс, то вряд ли найдется смельчак, пренебрегший этим правилам!» – удовлетворенно заключил Крутовский.

– Накаркали, Палыч-сан? – ехидно поинтересовался он.

– Не-а, товарищ капитан-лейтенант! Это кто-то, да прямо чересчур, размечтался вслух, да и спугнул удачу! – недовольно парировал мичман. Оба раздосадовано сплюнули и пошли восвояси по своим местам, оставшись при своем мнении каждый.

На борт поднялся начальник штаба соединения, капитан 1 ранга Константин Тихов, сухой, маленький и подвижный, как Вжик из мультика. Все знали, он был въедливый, как термит, и побаивались его ядовитых замечаний и убийственных «разборов». Как потом многие признавали, он был одним из последних мастеров по «вставлению классического «флотского фитиля». Моряк-то он был очень грамотный, начальник – знающий, ему было, что и с чем сравнивать! И на простой «мякине», вроде лениво замаскированного свежей покраской бардака, его не проведешь!

Константин-Саныч нес в руке здоровенный «бэг» из доро-

гой натуральной кожи. «Ага! Знаменитый походный «бэг» – «все свое ношу с собой!». Значит, с нами старшим идет! И не на один день! Ну вот, приехали! На вахтах скучно не будет! Это вам не пассажир!» – заключил Андрей, несколько расстроившись.

Начальник штаба небрежно швырнул портфель во флагманскую каюту и быстро прошелся по постам и помещениям. В коридорах было темновато – командир БЧ-5 явно дал команду экономить дефицитные лампочки. Это придавало корабельным помещениям вид мрачных казематов. «Н-да-а!» – поморщился Тихов. «Намылить холку механику? Это можно, это не трудно! Чего еще ждет от начальства бедный, замученный механик престарелого корабля? Да вот где он эти лампы возьмет в нужном количестве!? Чертово техническое снабжение!»

– Ну и времечко! – проворчал он вслух и двинулся дальше.

В одной из кают он застал одевающихся «по-походному» старших лейтенантов, командиров групп, лишь совсем недавно прикрутивших на свои погоны по заветной, третьей «звездочке».

На переборке крошечной каюты, по-спартански простой, но чистенькой и ухоженной, слева он заметил фотографию «Марьятты», «Машки», в обиходе, а справа – узнаваемый портрет главкома в панцире из орденов. Между ними один из офицеров, старательно высунув кончик языка, бронзовыми

шурупами прикручивал свежий плакатик, как и положено, вставленный в аккуратную лакированную рамочку. Надпись, выполненная толстым, ядовито-ярким оранжевым фломастером, красивым, просто-таки каллиграфическим, почерком гласила: «Товарищи офицеры! Из-за этой суки вы сегодня не попадете в город!».

– Та-а-к! – грозно обозначил свое присутствие капитан 1 ранга. Молодежь вздрогнула и оглянулась на начальника штаба в боевой стойке. Поздновато!

– Дверь-то в каюту закрывать надо, чтобы неожиданно-стей не случилось! – съязвил Тихов. И продолжил тем же тоном: – А позвольте полюбопытствовать, товарищи страшные лейтенанты, – очень страшные, вы кого, собственно, имели ввиду? – тут он сделал широкий жест рукой в тонкой летней перчатке, охватывая обе фотографии.

– Так «Машку», конечно, извините за вульгаризм – РЗК ВМС Норвегии – «Марьятту», товарищ капитан первого ранга! – искренне изумился старший лейтенант.

– А вы кого? Неужели... – делано «ужаснулся» один из его приятелей.

– Иезуит! – рявкнул начальник штаба дивизии: – Какое училище? Впрочем, дай угадаю – ВМУРЭ Попова?!

– Так точно!

– Ну, правильно, ну кто бы мог в вас усомниться?! Далеко пойдешь. Вот погоди, приеду к вам в Противосолнечную, лично поспрошаю – чему вы тут, и, главное, как успе-

ли научиться за год на вашем славном корабле из всей программы офицерского корабельного прожиточного минимума? И, кстати, запомните – кому «Машка», а кому – Марь-Ванна, уважаемая хитрая, как старая ведьма, дама! Заметьте, на всякий случай – не баба, а дама! Рано противника шапками вам, карасям, закидывать!

– Ну, уж и карасям! – нагло отвечивал «молодой»

Тут взгляд начштаба зацепился на заботливо отглаженной, отпаренной тужурке, кокетливо повисшей на плечиках за дверью, во всей красе нашивок и значков, поэтому реплику он не расслышал. На счастье, не в меру осмелевшего старшего лейтенанта.

– Та-ак! – опять победно протянул Тихов. – Чья это тужурка с орденом «За потерянное детство»? Тоже – ваша? Звезды – три, вижу! А нашивки – полторы? И что – уже больше двух недель? Никак не перешить? А еще – «питон»! – укоризненно покачал головой начштаба, продолжал, «забрав ветер»:

– Позвольте полюбопытствовать, ваш командир БЧ-7 видел вас за эти две недели? И где его глаза были? Эх, не я ваш старпом, поубивал бы всех – списком! Запомните – офицеру, если он – офицер, не могут быть безразличны звание, ордена и должности. По определению! Хоть и служим мы не ради них, по большому счету! И если офицер не следит за их символами – не ладно что-то в Датском королевстве!

– Шекспир! «Гамлет», кажется – услужливо подсказал один из старлеев.

– Кажется! – подтвердил Тихов. – Это самая подходящая к вам общедоступная цитата! Культурно-прожиточный минимум, понимаешь! Еще бы ты и этого не знал... – уел молодого нахала капитан 1 ранга, – А сейчас – брысь! Согласно расписанию, уже пять минут как тревога! – почти весело скомандовал Тихов. – А то вы тут, как погляжу, в детство впали. Обормоты! – напутствовал он их вослед.

Всхлипывая от подавляемого смеха, молодежь рванула прочь, вдоль по коридору.

Глава 3. По горячему следу в холодном море

*Девять дней капитан сквозь шторма гнал меня
И я нес мятый борт свой и срезанный ют
Мои ванты мне пели, гитарно звеня...*

М. Боярский «Влюбленный бриг»

Через некоторое время корабль резво бежал к выходу из залива, досадливо расталкивая недовольную волну, бурлящую седой пеной у форштевня. Весело пели его турбины, и горький соляровый дым стелился далеко за кормой, а встречный ветер, рассекаемый острым форштевнем, распрямил на гафеле Андреевский флаг.

Согласно заданию, все было просто, как апельсин – надо было в течение неопределенного времени таскаться по нейтральным водам за этой самой «Машкой», по возможности затрудняя ей работу по сбору всевозможной информации. Надо было не давать ей влезать в запретные районы, которые-то и были ей интересны. Причем – делать это подчеркнуто корректно, но, при этом, всеми возможными средствами и способами фиксируя ее действия. Все-таки «новое мышление», «вероятные друзья». Как говаривал командир в таких случаях: «На елку влезть и рыбку съесть!» – выполнить

задачу и не допустить международного скандала, всяких там «нот» и «заявлений» МИДа за грубости и провокации.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.